

РОЗАННА ПЕРРИ.

Волк по щети Странник

Ілюстрації
Моники Армінью

[Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стая	7
Взросление	17
Соперник	25
Битва	33
Олень	39
Боль	49
Ворон	57
Встреча	65
Молния	71
Каньон	79
Почти	85
Пиршество	91
Страх	97
Вода	103
Гора	109
Охота	117
След	123
Бегство	129
Вой	139
Стая	145
Подлинная история волка	157
Примечание автора	174
Благодарность	175

Посвящаю всем,
кто скитается в поисках дома

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

СТАЯ

Моя жизнь начинается в темноте. Но мне помогают запахи. У меня есть брат, Клык. Он больше меня и постоянно рычит. У меня есть сестры: Задира, которая не прочь подраться, и Ласка – она то и дело виляет хвостом. А лучше всех мой второй брат, Тихоня. Он любит свернуться калачиком у меня под боком. Из нашего выводка только он меньше, чем я.

Я по очереди обнюхиваю каждого из них, а потом – влажную землю сверху и сухую траву под нами. Я кружу по логову, пока братья и сестры спят. Делаю вылазки к выходу, поворачиваю назад. Меня зовут Шустрый, потому что я первым встал на лапы и пошел. Куда бы ни отнесли меня ноги, я всегда возвращаюсь к уютной ямке посередине логова. Здесь пахнет домом, и я все никак не могу надышаться. А когда наконец приходит Она, меня обдает самым лучшим запахом на свете – запахом нашей матери.

Она легонько тычет носом каждого из нас и ложится в свою ямку. Клык, Задира и Ласка тут же кидаются к ее животу за молоком. Я мог бы опередить их, но мамин мех вобрал в себя столько прекрасных запахов! Ее лапы, спина, теплое ворчливое дыхание – все несет запахи, названия которых я не знаю. Когда я чую их, меня тянет к тому пятну света, куда мама запретила ходить. Мне хочется высунуть нос наружу и понюхать этот свет.

Еще немножко, и я останусь без еды. Тихоня подползает к последнему свободному соску. Я бросаюсь вперед. И вот — а-а-а-ах! — я наконец жадно тяну и глотаю горячее молоко. Мы сосем дружно, шумно, задыхаясь и роняя капли. Мама тихонько поет нам про огромный мир за стенами логова, про горы, где живет наша стая. Я впитываю ее песню, втягиваю в себя, как воздух, как молоко: стая, горы, олени, звезды, ветер, дождь, вой, охота, горы и снова стая.

Тихоня, как всегда, барахтается где-то внизу. Он жалобно скулит и толкает меня головой. Чмок! Ну вот, мой сосок теперь занят, а я еще не наелся. Оттереть в сторону Клыка я даже не пытаюсь — он крупнее меня и больно кусается. Я пихаю Задиру, но она наступает мне на голову. Когда я толкаю Ласку, она выпускает сосок изо рта. Потом Ласка отталкивает Задиру, которая отбирает сосок у Клыка, а тот разворачивается к Тихоне, показывает зубы и рычит единственное слово, знакомое всем нам:

— Мое!

Тихоня отползает к дальней стенке логова и сворачивается там клубочком. Насытившись, мы понемногу засыпаем. Но я чую еще один сладкий запах, который не дает мне покоя. Я зеваю, поднимаю морду и... да! Тут осталось молоко, и оно все мое. Если я его выпью, то вырасту даже больше, чем Клык. В каждом соске я нахожу еще по глотку молока. Теперь я знаю то, чего не знают братья и сестры: последние капли молока — самые сладкие. Я облизываюсь и отползаю в сторону, прикрываю собой Тихоню, чтобы другие не наступили на него в потемках.

— Расскажи еще, — прошу я маму и тяну морду к выходу. — Почему нам нельзя туда?

— Там бродят голодные дикие звери, — говорит она. — А ты у меня мягонький, сладкий волчонок. Подожди, пока подрастешь.

Она со вздохом смотрит на бледное пятно света, которое лежит у запретной черты.

— Подожди, пока окрепнешь.

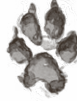
Я тяну морду к свету и с трудом подавляю зевок. Я не хочу ждать. Братья и сестры тихонько сопят во сне. У меня тяжелеет голова, но я борюсь изо всех сил.

— Расскажи еще!

— Наша стая живет в горах. Здесь наш дом, — начинает мама. — Нам всем светит волчья звезда.

Я слушаю, но понемногу уплываю в сон.

Я сплю, просыпаюсь, ем и снова сплю. Но однажды я просыпаюсь, а мамы нет в логове. Снаружи сияет холодный белый свет. Я приноживаюсь. Пахнет нами — всеми пятью, — сырой землей, сухой травой и немножко мамой в ее любимой ямке. Все на месте. Всё в порядке.

Вот только очень хочется есть. Живот мотается туда-сюда на каждом шагу, как пустой мешок. Теперь в логове стало тесно. Новых запахов нет, везде спотыкаешься о подросших братьев и сестер. Клык до сих пор самый крупный из нас.

Мама никогда еще не уходила так надолго. Тихоня скулит и трется головой о мое плечо.

— Стая живет в горах. Там наш дом, — говорит Ласка.

— Всем нам светит волчья звезда, — добавляет Тихоня.

И они наперегонки рассказывают друг другу нашу историю.

Клык делает вид, что ему не важно, где мама, но на всякий случай прихватывает зубами Задиру — вдруг она вкусная? Задира выворачивается и сбивает его с ног. Я продвигаюсь к запретному ходу, приноживаюсь и стараюсь понять, что там дальше.

Тихоня ежится от моей храбрости, но мне все равно. Я ставлю одну лапу за черту. Вторую лапу.

Третью! Три мои лапы уже стоят за чертой.

Сколько новых запахов! В темном логове неба висит белый кружок, от которого идет мягкий свет. Вокруг него сверкают маленькие белые точки. Их очень-очень много. Больше, чем наших хвостов, больше, чем наших лап; даже больше, чем наших клыков, хвостов и лап, вместе взятых. Я не могу на них насмотреться.

Прохладный ветер приносит мне вести о том, что я знаю только по маминым рассказам: о соснах, мышах, совах, дубах, чернике, воде. В воздухе больше запахов, чем я могу назвать. Я понемножку пробираюсь вперед, хотя Тихоня испуганно меня толкает.

— Туда нельзя!

Я сжимаюсь в комок и застываю на месте. Незнакомый волк.

Нюхать. Не двигаться. Пахнет не мамой.

Еще понюхать. Махнуть хвостом. Не двигаться.

Я помню этот запах, мама приносила его на себе. Волк из нашей стаи. Я делаю крошечный шаг вперед.

— Нельзя! — предупреждает волк.

Мой брат уже давно отполз подальше, в логово. Я не отступаю, изо всех сил мотаю хвостом. Хвост задевает земляной потолок, и меня обдает пылью.

— Тихо!

Морду вниз. Я не собираюсь склонять голову, но этот голос словно пригибает меня к земле.

— Слушай, — говорит волк уже не так сурово.

Уши у меня встают торчком. Ветер приносит не только запахи, но и звуки.

Шелест, шорох, треск — это ветер в кронах деревьев. Уханье и негромкий топот — это уже подальше, в чаще. А затем раздаётся вой. Ау-у-у-у-у-у-у-у!

Шерсть у меня встает дыбом. Это звук из моих снов. Где-то внутри, у меня в груди, рождается ответный вой; волк замечает, что звук вот-вот вырвется наружу.

— Тихо! — велит он. — Молчи!

Я проглатываю вой и сажусь, чтобы хвост больше не мотался туда-сюда. Я жду, забыв про голод, и вбираю в себя новые звуки. Волк из нашей стаи тоже ждет. Он медленно бродит взад-вперед — серая тень на фоне деревьев.

Издали доносится журчание воды, где-то поблизости слышны чирикание и жужжание. А потом я различаю другой звук — мерный, как биение сердца. Сюда кто-то бежит. Звук становится ближе. Еще ближе. Теперь до меня долетают и запахи. Это мать и наши сородичи.

Клык, Задира и Ласка давно перешагнули через Тихо-но и сбились в кучу у меня за спиной. Они скулят от голода.

С вершины холма бегом спускается мать, а с ней — и вся наша стая.

Мама! Она серебристо-серая, большая, с черными ушами и черным кончиком хвоста. Сородичи бегут бок о бок с ней. Они опускают головы и протяжно выкликают ее имя.

Я чую мамин сладкий и вольный запах: ветра и молока.

— Идите сюда, — говорит она.

Я изо всех сил мотаю хвостом.

— А можно? — еще не верю в такое счастье.

— Идите, — повторяет мама. — Выходите к нам.

Я кидаюсь вперед, но Клык оттирает меня плечом, а Задира наступает мне на хвост. Я отталкиваю ее, и мы кубарем выкатываемся наружу. С потолка логова сыплются комья земли. Ласка и Тихоня выбирают последними, все в пыли.

Я вышел. Вышел! Какое же оно огромное — это новое логово с черным потолком, до которого нипочем не допрыгнуть! Но я все-таки прыгаю, просто чтобы проверить. Ветер треплет мне шерсть. Сородичи обнюхивают меня с головы до хвоста. Я втягиваю их запахи, знакомлюсь. Вот эта волчица с золотистой шерстью — моя тетя Песня, охотница. Старый хромой волк — наш воспитатель Ворчун. Хвост у меня ходит ходуном. Я пробую на вкус землю: соль, железо, пепел. Дом.

Отец стоит на склоне холма, чуть выше остальных волков. У него серая голова и черные уши. Он огромен.

Я узнаю его запах: этим запахом помечен выход из нашего логова. Мой отец — вожак стаи. Я знаю, что надо подойти к нему и обменяться запахами, но он такой молчаливый и такой большой...

Клык первым набирается храбрости и отпихивает меня в сторону. Он на голову меня выше и смотрит сверху вниз — просто потому, что может. Клык всегда ходит с задранной хвостом, но рядом с отцом поджимает хвост, опускает голову и ползет. Отец дважды нюхает его, тихонько ворчит и подталкивает обратно.

Клык поворачивается к нам, скалит зубы и рычит, ведь это он обменялся запахами с отцом, а не мы. Тихоня жалобно взвизгивает. Ласка молчит, но хвост у нее уныло виснет. Задира принимает вызов и набрасывается на Клыка. Он дважды подминает Задиру под себя; под конец она все же побеждает и валит его на землю.

Я ускользаю от них и иду к отцу, высоко задрвав хвост и голову. А когда я подхожу ближе, хвост поджимается сам собой. Мне хочется повернуть назад и позвать Тихоню — для храбрости. Но кое-что каждый волчонок должен сделать сам, в одиночку.

Вблизи видно, что отец не весь серо-черный. На груди у него золотистый мех, а плечи серебрятся. Вокруг пасти красная кайма.

— Сын, — рокочет его голос. — Мой.

Я сажусь на землю, но хвост у меня все равно гуляет туда-сюда. Я глубже и глубже втягиваю отцовский запах, пока он не застревает у меня в памяти так же крепко, как материнский. Я сделаю для отца что угодно! Я прыгаю и верчусь, надеясь, что ему понравится. Я взвизгиваю и мотаю хвостом.

От отца идет запах, перед которым я не могу устоять. Это красное у него вокруг пасти... У меня течет слюна, как будто я учуял молоко, только этот запах другой. Еще лучше. Я тычусь носом в шею отцу, лижу ему морду. Он наклоняется ко мне и широко открывает пасть.

Из его пасти выскользывает какой-то красный влажный комочек. От него идет пар. Запах незнакомый, ни на что не похожий. Но ведь это дал мне отец.

Понюхаем? Понюхаем!

Чем больше я приноживаюсь, тем сильнее мне нравится запах. Я толкаю непонятный комок носом, потом вытираю морду о собственный мех. Мать подзывает остальных волчат и наклоняет голову навстречу их лижущим язычкам. Она тоже выкидывает из пасти красный комок и подталкивает к нему Ласку и Задиру. Тетя Песня дает такой же комок Тихоне и Клыку. Я снова поворачиваюсь к отцовскому дару.

Лизнем? Лизнем!

Какой чудесный, сочный, богатый вкус! Не так сладко, как молоко, но все равно объедение. От удовольствия хвост у меня пляшет сам собой.

Куснем? Куснем!

Комок плотный, упругий.

Кусаем-кусаем-жуем-жуем-жуем-глотаем. А-а-а-ах!

Мои братья и сестры тоже набрасываются на еду. Хвосты яростно мотаются туда-сюда. Я ем, пока не начинаю валиться с ног от сытости, потом сворачиваюсь клубочком в тени отца. Он подталкивает меня носом к своим ногам.

— Олень, — говорит отец. — Жизнь стаи.